

На табличке значился логотип конгресса и имя — Томас Лупо. Он предупреждал, что трансфер из аэропорта не нужен: Хельсинки он знал, да и прибыл налегке.

Томас хотел было пройти мимо и отправиться в гостиницу самостоятельно, но по лицу водителя понял, что тот узнал его. Человек был одет в темный костюм с синей рубашкой без галстука. Его лысина блестела от пота, глаза прятались за темными очками. Бородка тонкой косичкой свисала до кадыка. Человек кивнул и потянулся за сумкой Томаса. Тот, не останавливаясь, мотнул головой: сам донесу.

Машина ожидала на тесной парковке у второго терминала. Встречающий открыл правую заднюю дверь. Внутри уже сидел пассажир — он прохрипел «хелло», но руки не протянул. Томас выругался про себя — еще не хватало вынужденной компании. Лишь усевшись рядом и пристегнув ремень, он заметил, что у соседа что-то странное с левой ногой. Протез? Спросить Томас не решился.

Человек уловил его взгляд и на ломаном английском пробормотал что-то про несчастный случай. Томас не распознал акцент. Сперва он подумал, что это коренной финн.

— Очевидно, мы едем на одну и ту же конференцию. Правда, я лингвист, а не врач, — негромко произнес Томас.

Он был рад, что сосед не ответил. Водитель вставил ключ и завел двигатель. Видимо, его попутчик — пациент одного из докладчиков, не особо владеющий английским. Томас заранее просмотрел программу лишь на день собственного выступления, то есть на завтра. Он должен был выступить на международной медицинской конференции с докладом об эволюции психиатрических терминов в XIX веке и вечерним самолетом вернуться в Рим. Томас даже матери не сообщил, что будет в Финляндии — времени заглянуть к ней в Эспоо все равно не было. В Хельсинки у него больше ничего не осталось — Эрья никогда не простит его выходку. Из их дома он забрал лишь одежду, книги и несколько дисков, хотя проигрывателя у него не было.

Белый BMW повернул на Третье кольцо. Шоссе окаймляли автосалоны и мебельные магазины один другого тоскливее, березы уже пожелтели, хотя август еще в разгаре. Лето в Финляндии выдалось невиданно сухим. В Тоскане редкий день обходился без грозы, виноград на заднем дворе у Томаса страдал от града, и особого урожая ожидать не приходилось. Но праздник урожая все равно надо будет отметить — в роду Лупо чтили традиции. Томасу было легче, когда ему объясняли, что и в какое время года надо делать — его собственные решения редко оказывались дальновидными.

Дорога утомила Томаса — он выехал из Роккастрады в Рим в шесть утра. От унылых пейзажей за окном глаза стали слипаться еще до того, как машина добралась до Эспоо.

Он уже почти дремал, как вдруг ощутил резкое движение соседа. Что-то вонзилось ему в бедро. Распахнув глаза, он успел заметить в руке у мужчины шприц с длинной иглой. Сталь прошла сквозь брюки и вонзилась в бедренную артерию. Он попытался вытащить шприц, но было поздно.

— Ты сбил нас и бросил Нисканена умирать. Я потерял ногу. Ты поди решил, что и я умер — или на крайняк отключился. Но догадка — не отгадка! Такого «Торпеды» не прощают.

Одноногий говорил на чистейшем финском, но смысла его слов Томас не понимал.

— Я ввел тебе рокуроний. Он обездвиживает, но не отключает. Ты будешь в сознании, когда мы начнем тебя топить. Пожалею тебя так же, как ты пожалел нас с Нисканеном. То есть никак.

Томас попытался открыть рот. Губы стали тяжелыми, нёбо опухло, а язык казался замороженным. Он пытался выговорить слова или хотя бы помотать головой в знак того, что произошла ошибка. Но узнать, за кого его принимают, так и не вышло. Томас не видел соседа, глазные мышцы были парализованы. Он больше не мог сидеть прямо и бессильно привалился к окну.

Даже открыв глаза, он видел кругом лишь ледяную водную тьму. Легкие требовали воздуха, он с трудом сдерживался, чтобы не открыть рот. Что, где, почему? Мышцы плеч судорожно дергались в попытке освободить связанные за спиной руки. Нестерпимая боль пронизывала запястья, ноги нащупывали каменистое дно. «Не тони, пытайся выбраться! Все тело ломит, я задыхаюсь, я умираю... нельзя сдаваться!

Напрячь все силы, и вот уже ослаб пластиковый хомут, но вряд ли барахтаться получится долго. Вода абсолютно черная, кто сказал, что она синяя? Выкручивайся, пока не увидишь свет, если тот вообще существует. Вот что-то там, в темноте, бледная звезда уходящего лета, тянись к ней. Ты должен справиться, должен!»

Он вынырнул на поверхность, легкие едва не разрывались. Какая свежесть, нет ничего прекраснее воздуха! «Просто держись на поверхности, пусть вода качает тебя. Потерпи еще чуть-чуть, доберись до прохладного песочка. Влажный берег, спасение. Теперь можешь уснуть».

Айно шла мимо «Перттиной плеши», как она называла остатки ельника, который сосед вырубил пару лет назад.

Здесь в густом мху росли фулиги и папоротник, а если лето выдавалось сырым, то встречались и боровики. Поначалу ей тяжело было даже смотреть на эту вырубку. Теперь природа начинала брать свое: луг покрывала полевка, вокруг пеньков виднелись пятна лютиков и купыря. В некоторых местах торчал чертополох в человеческий рост. Среди тростника промелькнул белохвостый олень.

Жемчужина не любила поводок, но пока с этим ничего нельзя было поделать: кругом еще много птенцов. Осенью собака вновь обретет свободу. Айно повернула от участка Пертти к заповеднику. Жемчужина тянула к воде, хотела искупаться: пушистой лопарской лайке летняя жара была не по нраву. В тени сосняка собака остановилась, повела ушами и начала шумно вдыхать воздух. Айно прислушалась и стала приниматься вместе с ней. С озера дул ветер, сухая хвоя застревала в волосах и собачьей шерсти. Засушливая погода планомерно уничтожала деревья, но в заповеднике они словно обретали вторую жизнь, служа прибежищем для жуков. Деревья, поваленные самой природой, не так печалили Айно, как те, что были срублены человеком, а их пни будто бы превратились в надгробия.

Они поднялись на каменистый берег, перед глазами засверкало озеро. Если нет водорослей, можно будет искупаться голышом. Айно не первый год гуляла по этим берегам и знала окрестности наизусть. Вода цвета горохового супа всякий раз была для нее словно прискорбное

известие, а ветер, с которым цвет менялся, становился лучшим другом. Собака заскулила и зарычала. И тогда Айно увидела его.

Что это там, на песке? Лосенок или олень, утомившийся после плавания?

Нет, непохоже: кожа у него была светлая и практически без растительности, лишь на голове темнели мокрые волосы. Тело было повернуто спиной к Айно, она приближалась медленно, опасаясь внезапного нападения. Кто-то лежал неподвижно, на боку, свернувшись, словно младенец в утробе матери. Айно засомневалась, можно ли назвать его живым. Туловище было худым и угловатым. Ступни казались слишком крупными при таких тонких лодыжках. Человеческие ступни.

Айно поступила так, как поступила бы с любым живым созданием, оказавшимся в беде: с попавшим под машину зайцем, с сонным после спячки шмелем или с птенцом, выпавшим из гнезда. Подошла ближе, чтобы проверить, можно ли чем-то помочь или лучше избавить его от мучений. Обошла тело спереди. Лицо и грудь человека были в садинах, с левого запястья свисал кусок хомута. Кисть правой руки опухла и истекала кровью. Тонкая кожа между ребрами слабо вздымалась. Айно склонилась и нащупала яремную вену. Пульс оказался медленным, но ровным, кожа была холодной. Человек этот был ей не знаком.

— Сторожи! — сказала она Жемчужине и отстегнула поводок.

Айно сбегала вдоль берега домой и вернулась с двумя пледами и молочной тележкой. На ней можно было перевезти четыре пятидесятилитровых бидона, а уж худого мужчину и подавно. Первым делом нужно было спрятать его от солнца: через час оно начнет припекать. После полудня ожидалась гроза. Скорая из поселка или из Лохьи ехала бы слишком долго, да и подъезда к дому Айно не было — последние полкилометра приходилось преодолевать по лесной тропке. Медики приехали бы с носилками, но ждать их было бессмысленно.

Жемчужина, высунув язык, вопросительно глядела на возвращающуюся хозяйку: а теперь пришло время купаться? Мужчина перевернулся на спину, и можно было разглядеть его лицо. Чуть моложе средних лет, крупный нос, с горбинкой и кривоватый, словно когда-то сломанный. Давно не стриженные волосы растрепались и от влаги казались очень темными. Ссадины выглядели свежими, левое нижнее ребро, похоже, было сломано, но руки-ноги не казались поврежденными, кровь не шла. На левом бедре — след от недавнего укола.

Айно подкатила тележку к мужчине, положила покрывало для мягкости и камень под колесо, чтобы тележка не укатилась. Затем опустилась на колени, обхватила человека за туловище и стала поднимать. Веки его приподнялись, опустились и приподнялись вновь. Белки были окровавленными, радужная оболочка — цвета эспresso. Мужчина смотрел на Айно, но, казалось, ничего не видел. Она понимала, что перевозить раненого

опасно, но решила рискнуть. Она осторожно уложила его на тележку и укрыла. Мужчина не помогал ей, но и не сопротивлялся — он был без сил и просто позволил переместить себя.

— Гуляй! — скомандовала Айно.

Собака благодарно тявкнула и ринулась в воду. В паре сотен метров проплывала мама-лебедь с птенцами. Как-то раз лебедь клюнул Жемчужину, когда она была еще щенком, так что от этих сереньких птичек она предпочла держаться подальше.

Когда Айно выбралась с песка на траву, катить тележку стало легче. Однако пот выступил еще на полпути. Она поставила тележку в тень под старым дубом и пошла домой за водой и телефоном. Нужно было утолить жажду самой и напоить человека: кто знает, сколько он пролежал на берегу. Быть может, всю ночь.

Вернувшись, она увидела, что глаза у него открыты, а взгляд стал осмысленным. Жемчужина подбежала к тележке и стала отряхиваться так, что брызги попадали ему на лицо. Айно не удержалась от смеха — собака умела привести человека в чувство! Мужчина перевел взгляд с собаки на женщину, затем на листву дерева.

— Эй, — осторожно произнесла Айно. — Вы меня слышите?

Мужчина слабо кивнул.

— Похоже, вы ранены. Я позвоню в службу спасения, они пришлют машину.

Он приподнялся и широко раскрыл глаза.

— Нет! Никаких врачей или полиции! — голос у него был сильный, но решительный. — Они не должны знать, что я жив.

Кто это «они»? — подумала Айно. А если этот человек умрет у нее на руках? Но если она сообщит о нем, то не подвергнет ли его еще большей опасности?

Как-то в конце осени она увидела в лесу медвежьи следы, а на следующий день на краю «Перттиной плеши» обнаружили останки животных. Кроме того, медведь съел так много рябины, что у него случилось несварение желудка. Но она не рассказала об этом никому — ни Пертти, ни Графу, хозяину этих земель. Так что в заповеднике медведь мог спать спокойно. В начале весны она видела следы, уходившие на север. Местная газета сообщила, что медведь приближался к поселку, но его спугнули собаки и он ушел своей дорогой. О его дальнейшей судьбе она ничего не знала, но надеялась, что он бродит где-нибудь в менее населенной местности и не рискует оказаться на прицеле у охотника.

Мужчина попытался встать, но тележка под ним поехала, и он упал на нее, вернувшись в полулежачее положение. Айно смотрела на него, как смотрела бы на хромую лисицу или на утку с поврежденным крылом. Наконец, мужчина осознал свою наготу, подтянул покрывало и отвернулся.

— Хотите воды? — Айно протянула ему кружку, как протягивают яблоко пугливой лошади.

Он взял кружку и стал пить осторожно, видимо, понимая, что при обезвоживании не стоит торопиться.

— Какое сегодня число? — спросил он.

— Десятое августа, пятница.

Внезапно оба вздрогнули от громкого треска. Черная кошка в поисках убежища шмыгнула из розовых кустов под дом. Мужчина закрыл лицо, будто опасаясь удара молнии.

— Это был не выстрел, — сказал он и попытался засмеяться, но лишь закашлялся.

— Вы в заповеднике, здесь запрещено стрелять. Через полчаса начнется гроза. Вы уверены, что вам не нужен врач?

Мужчина кивнул, но добавил:

— Впрочем, я ни в чем не уверен, даже в вас. Быть может, вы с ними заодно.

Айно не стала уточнять, с кем именно. Далеко на западе сверкнула молния, за ней последовал удар грома, а за ним — снова вспышка. На небо напозлали грозовые облака. Смущенно отведя взгляд от Айно, мужчина спросил:

— У вас не найдется для меня подходящей одежды?

Затем он поднялся на ноги, и его повело в сторону. Качнувшись, он оперся о дубовый ствол и обернул вокруг себя покрывало на манер тоги. Тело мужчины покрывали мурашки, но на лбу выступила испарина. Айно еще раз взглянула на телефон — и положила его на перила.

— Заходите, посмотрим. Только назовите хотя бы свое имя. Я Айно Элонен.

— Томас, — ответил мужчина. — Томас Лупо. Это итальянская фамилия, означает «волк». Но до вчерашнего дня я и не знал, что могу навредить кому-то.

Несколько шагов до двери Айно поддерживала его. Волк. Она никогда не боялась зверей, не испугается и этого. Ведь люди — всего лишь животные. Разумеется, она будет начеку: отсутствие страха еще не означало, что незнакомцу можно доверять.